

массовый материал о поселениях, по которым проходила дорога, и их населении, позволили бы точно определить число людей, привлечённых к работам, реконструировать биографии поморов, наиболее активно помогавших царю (например, лощманов). Во-вторых, усилили бы аргументы автора в пользу того, что никакой массовой смертности при проведении Осударевой дороги не было.

Не могу согласиться и с характеристикой П.А. Кротовым «Гистории Свейской войны». Этот фундаментальный труд он называет «пропагандистским», «призванным дать официальный взгляд на правление первого русского императора» (с. 45). Представляется обоснованной точка зрения на «Гисторию» известных учёных Н.Г. Устрялова, Д.Ф. Масловского, Л.Г. Бескровного, Л.В. Черепнина, С.Л. Пештича, Т.С. Майковой, А.А. Преображенского, С.Ю. Королёвой и других, доказавших, что этот труд – первое в России научное историческое исследование, основанное на источниковедческой критике всех важнейших документов по истории Северной войны. По личным указаниям Петра I в «Гисторию» помещались

многочисленные факты, которые противоречили какой-либо панегирической его направленности.

Сделанные замечания ни в коей мере не умаляют фундаментального значения работы, проделанной П.А. Кротовым. Рецензируемое исследование отличается научной новизной, содержит ряд крупных открытий в военной истории, истории Санкт-Петербурга и Поморья. Монография обладает большим практическим значением. Она может быть использована при преподавании общего курса истории России и спецкурсов на исторических факультетах вузов. Археологические, этнографические и фольклорные экспедиции П.А. Кротова и М.Ю. Данкова по трассе Осударевой дороги уже привлекли многих энтузиастов. Хотелось бы надеяться, что этим аспектом заинтересуется не только ректорат Санкт-Петербургского государственного университета, но и администрации Санкт-Петербурга, Республики Карелия и Архангельской области в целях военно-патриотического воспитания молодёжи, развития исторического туризма и музейного дела.

М.О. Акишин

Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века / Ред. О.Е. Глаголева и И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 656 с., ил.

Выход сборника научных статей о взаимоотношениях в XVIII столетии российского провинциального дворянства с властью и обществом открыл новые горизонты в изучении тематики, не относящейся на первый взгляд к магистральным направлениям развития исторической науки. Через него красной нитью проходит мысль, что история российской провинции должна рассматриваться как одна из центральных проблем современной историографии, а изучение дворянства с точки зрения региональной истории является весьма эффективным. Сборник составлен по материалам Международной научной конференции, организованной Германским историческим институтом в Москве. В нём опубликованы статьи специалистов

не только из различных регионов России, но также из Австрии, Германии и Канады. Одной из его особенностей является рассмотрение российских сюжетов в рамках подходов, с успехом развивающихся в зарубежной историографии последних десятилетий. При этом прослеживаются и синтез, и, иногда, интеллектуальное соперничество исследовательских приёмов российских и немецких коллег.

Открывается сборник программной вступительной статьёй О.Е. Глаголевой о методах изучения взаимоотношений дворянства, власти и общества в провинциальной России XVIII столетия¹. Исследовательница считает необходимым пересмотреть прошлое русского дворянства именно в контексте так называемой

локальной истории. Она показывает, что «традиционное несовпадение подходов и методов в изучении истории России между российской (советской) и западной научными школами... не преодолено... и сегодня» (с. 12). По существу в российской историографии во многом ещё сохраняется инерция некоторых не оправдавших себя исследовательских схем советского периода. Нередко российскими авторами трудов по региональной истории вводится в научное обращение богатый архивный материал, но при этом игнорируются современные достижения теорий исторического анализа, разрабатывающихся зарубежными исследователями (с. 13). Переживаемые трудности выработки новых методов изучения положения российской провинции в XVIII в. нашли своеобразное отражение в многообразии имеющихся формулировок названия этой научной дисциплины: история русской провинции, провинциальная история, локальная история России, краеведение, историческое краеведение, регионоведение, регионалогия, региональная история, местная история и др. Как отмечает Глаголева, современные исследователи часто пишут о провинциальном дворянстве в целом, не оговаривая, что положение потомственных и личных, поместных и безземельных дворян в рамках этого формировавшегося сословия существенно различалось. Она констатирует, что для современных отечественных трудов по провинциальной истории России характерна определённая «терминологическая неразбериха». Данная отрасль исторической науки не имеет ни устоявшегося понятийного аппарата, ни разработанных теоретических подходов, ни даже чётко сформулированного предмета исследования. Проследившая развитие в западноевропейской историографии локальной истории (*local history*), начиная со времени её зарождения в середине XX в., Глаголева рассматривает её как аналог российского «историческому краеведению» (термин, введённый в обращение С.О. Шмидтом).

Принципиальное значение для заявленной концепции сборника имеет блок исследований, объединённых темой «Дворянство и власть: старые и новые функции сословия». Л. Эррен сосредоточил усилия

на освещении многочисленных «белых пятен» в истории дворянства XVIII столетия (прежде всего, его мелкопоместной части)². Любопытно его заключение о том, что, вопреки едва ли не общепринятому мнению, петровские преобразования не только открывали выходцам из различных социальных групп путь к получению дворянских привилегий, но и впервые в истории позволили дворянам отмежеваться от более низких слоёв общества (с. 59). В этой связи автором отмечена чётко прослеживаемая тенденция, которая включает в себя постепенный роспуск стрелецких полков (с 1698 г.), упразднение их привилегий, прекращение практики раздачи казённых земель в частные руки (1711–1714 гг.), юридическое уравнивание поместий с вотчинами (1714 г.), введение подушной подати (1719–1724 гг.) и Табеля о рангах (1722 г.). Стоит добавить, что неприятие стрельцов (реальной альтернативы служилому дворянству в XVII в.) было доведено при Петре I до крайности – последовательного вытеснения из сферы военной службы даже их сыновей³. Учёный показал внутренние противоречия проводившегося правительством курса. С одной стороны, Пётр I и верхи бюрократии не доверяли бедным мелкопоместным провинциалам, а с другой – именно они были наиболее заинтересованы в офицерской карьере, тогда как состоятельные землевладельцы зачастую мало интересовались службой (с. 60).

На этом поле, по справедливому замечанию автора, возможны (и, следует добавить, – явно необходимы) дальнейшие исследования. Статья Эррена пестрит формулировками, зовущими к проведению новых научных изысканий: «мелкие поместья недостаточно хорошо исследованы» (с. 74), «истинное число разорившихся помещиков до сих пор не установлено» (с. 80), «отношения между дворянами и прочим сельским населением до сих пор остаются малоизученными» (с. 81), «нам почти ничего неизвестно о реакции местного дворянства на установленные Петром запреты носить бороду, жениться по принуждению и уходить в монастырь до достижения положенного возраста» (с. 83), «к сожалению, историки до сих пор практически не рассматривали

составленные дворянами первой половины XVIII века прошения» (с. 87) и др.

Следует положительно оценить то, что в статьях сборника чётко обозначаются актуальные задачи. От исследователей требуется качественно более глубокое понимание принципов и методов, применявшихся самодержавием в XVIII в. для мобилизации населения и обеспечения устойчивого поступательного развития страны. Феномен политики Петра I, сочетавшей в себе столь различные и, на первый взгляд, противоречащие друг другу подходы, открывавшие перспективы служебного роста для достижения наибольшей отдачи со стороны подданных, заключался в том, что она приводила к осязаемым созидательным результатам на памяти одного поколения. Россия, несмотря на всю незрелость предпосылок и слабость финансово-экономической сферы, совершила впечатляющий прорыв к качественно новому статусу великой державы, современного модернизированного государства. Политика самодержавия по отношению к дворянскому сословию в XVIII в., как это становится очевидным при знакомстве с материалами сборника, нуждается в новых углублённых исследованиях.

Вызывает возражение весьма типичное для западных историков либеральное убеждение, в последние десятилетия перекочевавшее и на страницы трудов некоторых россиян, что, «к несчастью, Пётр, как представляется, не осознавал, что его словесная политика идёт вразрез с европейским вектором развития... Ужесточение крепостного права с точки зрения Петра не противоречило европеизации страны» (с. 85). Напротив, мне как раз представляется благом для России, что первый русский император вёл страну по собственному пути, не совпадавшему в данном случае с западным «вектором развития». Это позволило сохранить целостность страны, расширить её пределы, наименее затратными способами создать эффективную победоносную армию и сильнейший среди государств балтийского региона военно-морской флот, сокрушившие сильного военного противника – милитаризованное Шведское королевство, создать самодостаточную высокотехнологичную про-

мышленную базу, передовую науку и т.п. В данном случае мне ближе точка зрения американского историка В. Фуллера, полагающего, что одна из черт величия Петра I как государственного деятеля состоит в том, что он сумел опереться, совершая стремительный преобразовательный рывок, именно на свойственные российской государственности институты: самодержавие и крепостной строй⁴. В традиционной русской системе ценностей то, что сделал Пётр Великий, гораздо более важно, чем то, чего он не желал делать.

Одно из итоговых заключений Л. Эррена трудно оспорить: «К началу XIX столетия русские дворяне освоили новый стиль жизни, в котором сочетались воинская служба, владение крепостными и европейская культура». По мнению исследователя, учреждения «регулярного» государства (армия, управление, прокуратура и так далее) были бы просто не способны к тому, чтобы «восстановить порядок в провинции», если бы были лишены возможности опираться на мелких помещиков (с. 88).

Исследование Н.Н. Петрухинцева продемонстрировало достаточно новый для отечественной исторической науки подход – изучение своеобразия отношений местной власти и дворянских корпораций в регионах страны, сохранявших значительную автономию⁵. По подсчётам историка, в такой своего рода «внутренней периферии», в 1720–1730-х гг. проживало 42,5% населения России. Сравнение корпораций смоленской шляхты (польской по языку) и русских помещиков в Уфимском уезде оказалось весьма продуктивным. Дворянская корпорация смоленских шляхтичей (Смоленский полк шляхты и Рославльский драгунский эскадрон) оказалась в условиях Великой Северной войны 1700–1721 гг. в привилегированном положении. Статус вотчины для своих поместий смоленские дворяне получили уже в 1701 г., значительно раньше, чем в остальной России (1714 г.). К середине столетия военная служба уже не считалась для них обязательной (с. 97, 103). Уфимский же русский «служилый город» – своеобразное национальное меньшинство в Башкирском крае – имел по существу принижённый общественный

статус и при этом был прочно замкнут на местные нужды. Правительство фактически пожертвовало дворянскими правами этой корпорации в угоду успеху своей пограничной политики в сложном по преимуществу тюркоязычном мусульманском регионе по соседству с кочевниками Средней Азии. «Примитивный “колонизаторский” комплекс» в пользу русского населения, русских дворян в действиях российской власти, по заключению историка, на этих пограничных землях не существовал (с. 115).

В статьях С.А. Мезина о саратовских воеводах и комендантах первой половины и середины XVIII в., О.Е. Глаголевой и Н.К. Фомина о дворянах-чиновниках Тульской провинции в 1750–1770-х гг. в противоположность заключению американского историка М. Раева показано, что служившие в губерниях дворяне не были отчуждены от местного общества⁶. В Тульской провинции на классных должностях пребывали, как правило, лица, принадлежавшие к потомственному дворянству. Служба для них представляла значительный интерес, при этом преимущество при назначении на лучшие должности оказывалось у местных представителей знатных родов. Даже перемещение дворян из армии на чиновничьи должности и затем, как это тоже бывало, обратно в полки и снова на гражданскую службу указывает не на обособленность чиновничества, а, напротив, на его единство с дворянским сословием в провинции.

А.И. Куприянов исследовал выборные практики дворянства Московской губ. и пришёл к заключению, что дворянские уездные общества в конце XVIII – начале XIX в. не следует оценивать как элементы структуры складывавшегося в России гражданского общества⁷. Скорее, полагает историк, их надо считать «институтами, относящимися к “предыстории” гражданского общества». «Вместе с тем сами выборы, проводившиеся раз в три года, – резюмирует он, – создавали условия для публичного общения дворян, выходившего за пределы соседских и родственных связей, способствовали самоорганизации отдельных групп дворянства, помогали структурировать частные интересы на уездном и губернском уровнях,

формировали корпоративную общность дворянского сословия. Таким образом, выборы вносили свою лепту в процесс формирования гражданского самосознания дворян» (с. 266). Однако исследователь не пояснил, является ли процесс складывания «гражданского самосознания дворян» неотъемлемым свойством, признаком процесса появления гражданского общества.

Следующий раздел сборника «Голос дворян: “Нужды и чувствительные недостатки нашего народа”» фокусирует внимание читателей на провинциальных нуждах в широком понимании. Я. Кусбер проанализировал представления русских дворян о необходимой организации образования в России, как они отразились в наказах Уложенной комиссии⁸. Он заметил, что и в европейских государствах дворянское сословие было разнообразным и разнородным, и потому российское дворянство не должно «описываться как история недостатков». «Исследования, идущие в русле этой традиции, – отмечает историк, – едва ли принесут новые открытия» (с. 270). Автор утверждает, что Раев перенёс на XVIII в. существовавшее в художественной литературе XIX в. клише провинциальной жизни, а также представление о том, что истинная интеллигенция должна непременно быть в интеллектуальной оппозиции могущественной государственной машине (с. 270)⁹. Ю.В. Жукова показала, что может дать изучение поданных в Комиссию наказов дворян для исследования истории Орловского края и предложила продолжить публикацию наказов с самыми подробными комментариями, что создаст условия для их последующего комплексного изучения¹⁰.

Взгляды российских интеллектуалов XVIII в. М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина на правильное устройство сельского поместья проанализировал В.С. Рыжков¹¹. Он ищет корни осмысления понятия «дома» в античных представлениях, столь укоренённых в умах российской образованной элиты того времени. По подобному же пути последовал К. Шарф, с успехом восстановивший жизненный путь малороссийского интеллигента В.В. Капниста и показавший на его примере, как в России XVIII в. образованные дворяне

«навёрстывали как будто в ускоренной киносъёмке эпохи европейской культуры, включая Возрождение и барокко» (с. 429)¹².

Раздел «Законы и правонарушения: конфликты в провинциальном обществе» включает подборку из трёх статей – А. Рустемайер, Е.Е. Рычаловского и Б.А. Азнабаева¹³. Здесь проанализированы особенности взглядов на преступников и преступления в век Просвещения, самые различные аспекты распространения в провинции политических слухов во времена Екатерины II, а также характер правонарушений служащих дворян Оренбургского корпуса во второй половине XVIII в. Статьи интересны в первую очередь тем, что в них рассматривается область российского законодательства, суда, правоприменительной практики, то есть история функционирования права. Эти вопросы особенно злободневны в связи с ускоренным развитием правового государства на современном этапе.

Заключительный раздел в сборнике – «Искусство жизни: культура, быт и “провинциальные нравы”». Е.Н. Марасинова обратилась к исследованию сделанной ею на основе «Полного собрания законов Российской империи» выборки эпизодов из повседневной жизни провинциальных дворян во второй половине XVIII в.¹⁴ Она выяснила, что и в провинции жизнь дворянина проходила в строгих рамках правовых норм. Малозащищённые категории лиц из дворянского сословия часто обращались к праву как к последней надежде добиться справедливости в судебных департаментах Сената. Сенаторам эта лавина жалоб давала сведения о положении на местах, о том, чем живёт российская глубинка. Исследовательница отмечает, что таким образом «провинциальный дворянин становился субъектом права и важной фигурой в системе обратной связи, столь необходимой для любой власти» (с. 548). Д.И. Жеребятъев, В.В. Канищев и Р.Б. Кончаков, изучив городскую застройку Тамбова конца XVIII в., пришли к интересному заключению, что в первоочередном порядке местное дворянство заботилось о постройке зданий присутственных мест – государственных учреждений, в которых протекала их служебная деятельность¹⁵.

Причину того, что собственное жильё провинциальные тамбовские дворяне стали возводить позднее, историки предположили в имевшемся у них недостатке денежных средств (с. 576–577).

Распространение театральной культуры вширь, из столиц в провинцию, в последней трети XVIII в. рассмотрела О.Н. Купцова¹⁶. Исследовательница показала, как столичная театральная жизнь проникала в провинциальные миры, и что при этом ей было свойственно смешение европейского театрального стиля и традиционных русских развлечений (скомоорохи, дураки, шуты). Поездки в гости как любопытный феномен освещён в статье И. Ширле¹⁷. Они, по мысли автора, являли собой (наряду с приёмом гостей) «значимый элемент дворянской жизни», поскольку дворянство утверждало себя таким способом как группу лиц, регулярно собиравшихся. Наносить визиты позволяло наличие свободного времени, что являлось важной привилегией именно дворянского сословия. Путешественники перевозили с собой по дорогам империи не только вещи, но и новости, слухи, доставляли письма, книги и журналы. Остаётся неясным, почему Ширле предполагает, что только с распространением культуры писем в 1770-х гг. путешествующие стали исполнять роль добровольных почтальонов (с. 616). Или, что только с последней трети столетия карета становится важным статусным символом в провинции (с. 600). Надо заметить, что в Петровскую эпоху сказанное уже имело место. Тот факт, что статья Ширле о поездках внутри России является едва ли не первой в отечественной историографии, наглядно показывает, какие «широкие просторы» открываются для желающих проводить «провинциальные исследования».

Важно отметить, что авторы показали, какие разнообразные и важные роли играло российское провинциальное дворянство в местных обществах. Оно было не только хорошо осведомлено о событиях «большой» истории, творившейся в Санкт-Петербурге, Москве и вообще в мире, но и самым тесным образом включено в местную жизнь провинции. Участники сборника предприняли удачную попытку изучать политические, социальные

и культурные процессы, и в частности, положение дворянского сословия в XVIII столетии через призму истории русской провинции, которая до сих пор мало затрагивалась в научных трудах. Они исходили из необходимости преодоления привычных стереотипов. Были сделаны новые обобщения, применялись нестандартные исследовательские подходы. По существу данное издание можно расценивать как некую чётко обозначенную грань, порог для перехода к реализации новых исследовательских методов по истории провинциальной жизни и русского дворянства XVIII в.

П.А. Кротов

Примечания

¹ *Глаголева О.Е.* Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века: Подходы и методы изучения // *Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века.* М., 2012. С. 9–48.

² *Эррен Л.* Российское дворянство первой половины XVIII века на службе и в поместье // Там же. С. 51–88.

³ *Рабинович М.Д.* Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // *Россия в период реформ Петра I.* М., 1973. С. 144–145.

⁴ *Fuller W.C.J.* Strategy and power in Russia. 1600–1914. N.Y., 1992. P. XIX.

⁵ *Петрухинцев Н.Н.* Власть и дворянство на национальных окраинах в 1720–1730-е годы // *Дворянство, власть и общество...* С. 89–115.

⁶ *Мезин С.А.* Саратовские воеводы и комменданты первой половины – середины XVIII века // Там же. С. 116–147; *Глаголева О.Е., Фомин Н.К.* Дворяне «в штатском»: Провинциальное дворянство на гражданской службе в 1750–1770-е годы // Там же. С. 148–227.

⁷ *Куприянов А.И.* Выборные практики дворянства Московской губернии в конце XVIII – начале XIX века // Там же. С. 228–266.

⁸ *Кусбер Я.* Какие знания нужны дворянину для жизни? Провинциальные и столичные воспитательные дискурсы второй половины XVIII и начала XIX века // Там же. С. 269–291.

⁹ *Raeff M.* Origins of the Russian intelligentsia. The Eighteenth Century Nobility. N.Y., 1966.

¹⁰ *Жукова Ю.В.* Наказы в Уложенную комиссию 1767–1768 годов как источник для изучения истории Орловского края // *Дворянство, власть и общество...* С. 292–326.

¹¹ *Рыжков В.С.* «Домостроительство» и политика: Место представлений о правильном устройстве сельского поместья в системе общественно-политических взглядов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина // Там же. С. 327–374.

¹² *Шарф К.* Горацянская сельская жизнь и европейский дух в Обуховке: Дворянский интеллигент Василий Капнист в малороссийской провинции // Там же. С. 375–430.

¹³ *Рустемайер А.* Преступник в оптике Просвещения: Нормотворчество административной элиты в отношении девиантного поведения в российской провинции XVIII века // Там же. С. 433–466; *Рычаловский Е.Е.* Политические слухи в провинции времён Екатерины II: По материалам Тайной экспедиции Сената // Там же. С. 467–493; *Азнабаев Б.А.* Правонарушения служащих дворян Оренбургского корпуса во второй половине XVIII века // Там же. С. 494–520.

¹⁴ *Марасинова Е.Н.* «Приключения, в свете бывающие»: Эпизоды повседневной жизни провинциального дворянина второй половины XVIII века (по Полному собранию законов Российской империи) // Там же. С. 523–549.

¹⁵ *Жеребятьев Д.И., Канищев В.В., Кончаков Р.Б.* Место дворянства в формировании городского социального пространства (по материалам Тамбова конца XVIII века) // Там же. С. 550–577.

¹⁶ *Куцова О.Н.* Русский усадебный театр последней трети XVIII века: Феномен «столичности» в провинциальной культуре // Там же. С. 578–597.

¹⁷ *Ширле И.* Перемена мест: Дворянство в разъездах и в гостях // Там же. С. 598–623.